

РЕЛИГИОЗНЫЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И
СВОБОДОМЫСЛИЕ В ПЕРИОД РАННЕГО
ВОЗРОЖДЕНИЯ В БЕЛАРУСИ
(первая половина XVI века)

Определяющей новацией духовной культуры эпохи отечественного Возрождения стало развитие ренессансного свободомыслия, что находило отражение прежде всего в утверждении гуманистического мировоззрения. Центральным аспектом гуманизма являлась проблема человека, его земного предназначения и совершенствования. Для гуманистических воззрений характерны высокая оценка интеллекта, возвышение разума над верой, признание приоритета знаний, мудрости, широкой образованности, морального самовозвышения¹. Некоторые идеи религиозного свободомыслия получили распространение в отечественной мысли уже в предшествующую эпоху Средневековья².

У истоков отечественной ренессансно-гуманистической мысли стоял доктор Франциск Скорина. Опираясь на древнерусскую философско-этическую и богословскую традицию, он предпринял попытку синтеза этой традиции с античной и западноевропейской религиозно-философской культурой. Взгляды Скорины достаточно ярко отразились в его оригинальном литературно-публицистическом наследии, представленном предисловиями и послесловиями к издаваемым на протяжении 1517–1525 гг. книгам Библии. В своих предисловиях он, отказываясь от жесткого теоцентризма, наиболее полно выразил ценности и идеалы национального бытия белорусов, основными компонентами которого являются конкретная Родина («место, игде зродился и ускормлен суть») и культура народа – его язык, история, традиции и т.п. В мировоззрении Скорины, как деятеля на «границе культур» и под воздействием национально-культурных устремлений просветителя, сочетаются христианский традиционализм и вольнодумный модернизм.

---

¹ Падокшын С.А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі: Ад Францыска Скарыны да Сімяона Полацкага. Мн., 1990.

² Старасценка В.У. Ідэі вальнадумства і свабоды рэлігіі ў айчынай думцы эпохі Сярэднявечча // Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі: у 6 т. Т. 1: Эпоха Сярэднявечча / саст. Евароўскі В.Б. і інш. Мн., 2008. С. 440–470; Старостенко В.В. Свободомыслие и свобода совести в Беларуси: очерки истории. Могилев, 2004. С. 7–52.

Скорининская Библия – первое в отечественной культуре светское издание Священного Писания, осуществленное «без оглядки на церковную цензуру»³. Отметим, что внецерковное издание Библии уже само по себе является свидетельством свободомыслия белорусского печатника, поскольку до XVI в. издание и толкование Священного Писания считались прерогативой Церкви и духовенства. Не поощрялось даже чтение Библии мирянами, что основывалось на ортодоксальном христианском понимании роли церковного института как единственного возможного посредника между богом и людьми. Обращает на себя внимание и характер издания первой белорусской Библии. При осуществлении своего издательского проекта Скорина допустил многие «вольности»: отступил от канонического порядка библейских книг, гуманистически истолковывал многие библейские сюжеты, свободно обращался с текстом, пропуская или переставляя по своему усмотрению целые фрагменты и главы⁴. Уже в XVI в. церковные ортодоксы порицали белорусского гуманиста за «еретизм». Приверженец консервативной церковнославянской традиции А. Курбский усматривал в переводах Скорины влияние ереси «жидовствующих» и лютеранства. «Задолго до предков ваших, – с нескрываемым раздражением писал в обращенном к православным “Антиэленхусе” (1622) униатский полемист Антоний Селява, – Русь была хорошо отравлена... был Скорина, еретик гуситский, который для вас книги по-русски печатал в Праге... называл себя русином из Полоцка, так и подписывался. Нравились эти издания, утверждали, что напечатал их человек достойный, русин, брат наш»⁵.

Тенденциозные утверждения Селявы преследовали цель скомпрометировать популярные в антиуниатской среде скорининские издания. Вместе с тем обращает на себя внимание известная общность гуманистических устремлений классиков чешского и белорусского Ренессанса. В начале XV в. на территорию Беларуси действительно проникают идеи Яна Гуса – видного проповедника и идеолога чешской Реформации. Гус выступал с критикой существующих социальных порядков, обличал католическое духовенство, практику продажи индульгенций, отстаивал принципы раннего христианства, уравнения в правах мирян с духовным сословием. В работах Гуса «О Церкви», «Изложение веры» основным законом человеческих отношений признается познанный разумом «Закон Божий». Мыслитель позволял себе вольную трактовку Священного Писания, полагая, что каждый имеет право на собственное понимание и свободное изложение Библии. Распространение идей Гуса в Великом княжестве Литовском способствовало солидарности чешского, белорусского и литовского народов в борьбе с Тевтонским орденом. Известно о пребывании в 1413 г. в Витебске ученика и соратника чешского реформатора – Иеронима Пражского. В XV–XVII вв. немало выходцев из Великого княжества Литовского (ВКЛ), среди которых и Фран-

³ *Конан У.М.* Дабро і краса ў творчасці Францыска Скарыны // 480 год беларускага кнігадрукавання: матэрыялы III Скарынаўскіх чытанняў. Мн., 1998. С. 35.

⁴ См.: Из истории свободомыслия и атеизма в Белоруссии / сост. Е.С. Прокошина, Л.Л. Короткая, А.А. Чудникова и др.; науч. ред. Е.М. Бабосов, Г.М. Лившиц. Мн., 1978. С. 77–78.

⁵ Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов. Ч. 1. Т. 8. Вып. 1. Киев, 1914. С. 717.

циск Скорина, обучалось в Краковском Ягеллонском университете, одном из центров распространения идеологии гусизма. У Гуса и Скорины обнаруживаются сходные по духу идеи – о значении родного языка в просвещении народа, о возможности самостоятельного изучения и большом познавательном значении Библии, и др. Идеи гусизма в Беларуси и Литве пропагандировали представители плебейской Реформации. Определенные отзвуки идей Гуса находят в «Катехизисе» Сымона Будного⁶.

Заметим также, что первая попытка организации кириллического книгопечатания в славянских странах была предпринята в конце XV в. в Кракове Швайпольтом Фиолем. Однако уже в 1491 г. он был обвинен в распространении гуситской ереси, а в следующем году гнезненский архиепископ запретил продажу его книг. По мнению Г.Я. Голенченко, книгоиздательской деятельности Фиоля помешали неприязненные отношения польского католического духовенства к печатанию кириллических книг. Печатная деятельность Скорины в Вильно была прекращена около 1525 г. Основную роль в этом, среди других факторов, сыграло противодействие определенных слоев католической, а возможно, и православной иерархии, что стало реакцией на появление светского книгопечатания, которое ограничивало духовную монополию Церкви⁷.

Франциск Скорина одним из первых в отечественной мысли выступил с обоснованием круга актуальных ренессансно-гуманистических методологических и гносеологических идей. Так, он попытался разрешить чрезвычайно важную для своего времени проблему интерпретации Священного Писания⁸. Скорина был глубоко верующим человеком, признавал основные догмы христианского вероучения: Пресвятую троицу, богочеловеческую природу Христа, бессмертие души, потустороннюю жизнь и другие, Библию считал богодухновенной книгой. В предисловии к книге Бытие он отмечал: «Мы пак, хрестиане, зуполную веру имамы всемогущего во троици единого Бога, в шести днех сотворившего небо и землю и вся, еже суть в них»⁹. Однако в герменевтическом искусстве Скорины обнаруживается попытка нетрадиционного истолкования некоторых религиозно-философских проблем. В Библии, полагал мыслитель, содержится как доступная лишь для избранных (эзотерическая), так и доступная для всех без исключения людей (экзотерическая) мудрость. К числу эзотерических книг Скорина относил книгу Бытие, начало и конец книги пророка Иезекииля и Песнь песней, которые «суть трудны ко зрозумению» и являются предметом веры. Основная же масса текстов Священного Писания, считал он, доступна любому разумному человеку. Это книги Притч Соломоновых, Иисуса Навина, Премудрости Соломона, Иудифи, книги Царств, и др.

⁶ См.: Франциск Скорина и его время: энцикл. справочник / гл. ред. И.П. Шамякин и др. Мн., 1990. С. 207; Падокишын С.А. Гусизм і грамадскі рух Беларусі і Літвы XV–XVII стст. // 450 год беларускага кнігадрукавання. Мн., 1968. С. 69–83.

⁷ Голенчанка Г.Я. Францыск Скарына – беларускі і ўсходнеславянскі першадрукар. Мн., 1993. С. 72, 165.

⁸ Падокишын С.А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі: ад Францыска Скарыны да Сімяона Полацкага. Мн., 1990. С. 93.

⁹ Скарына Ф. Творы: прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія (далее – Творы...) / уступ арт., падрыхт. тэкстаў, камент., слоўнік А.Ф. Коршунава; паказальнікі А.Ф. Коршунава, В.А. Чамярыцкага. Мн., 1990. С. 52.

Экзотерическая часть Библии, содержащая нравственно-философские истины и элементы светского знания, представляет, по мнению Скорины, наибольшую ценность¹⁰.

Особенность свободомыслия Скорины ярко выявляется при сопоставлении двух совпавших по времени издательских библейских проектов – белорусского печатника и немецкого протестанта Мартина Лютера. Гуманист из Полоцка и реформатор из Виттенберга по-разному определили цель своих изданий. Лютер был движим задачей обновления доктрины католицизма с целью приспособления христианства к новым потребностям зарождавшегося буржуазного строя. Модернизм Лютера способствовал укреплению веры в бога, а сам автор стал основателем нового направления в христианской религии. Мотивы же Скорины были религиозными и светскими одновременно, издаваемые им книги предназначались для «добротоу научения» не только и не столько религиозному благочестию, сколько мирскому знанию и мудрости. Причем Скорина пытается отойти от ортодоксальной христианской традиции божественного характера книг Библии. В предисловии к каждой книге автор сообщал сведения о ее составителе, времени и обстоятельствах ее написания. В этом подходе к Библии проявляется, по существу, начало ее сравнительно-исторического изучения, что более полно будет осуществлено в системе религиозного рационализма Сымона Будного.

Из комментариев Скорины к библейским книгам следует, что человек посредством Священного Писания может осуществлять прямой диалог с Богом, самостоятельно разобраться в морально-этическом смысле Божественного откровения и достичь нравственного совершенства как посредством разума, так и в результате самостоятельного изучения Библии и личной веры. Само издание книг Библии, распространение их среди мирян, «людей простых посполитых», объективно способствовало личному «общению» человека с Богом, минуя посредничество Церкви. Характерный пример проявления в мировоззрении Скорины идеи личной веры содержится в анализе мыслителем Посланий апостола Павла. Так, в комментариях к Посланию к римлянам он обращает внимание читателя на ветхозаветный сюжет об Аврааме, который, чтобы продемонстрировать религиозное благочестие, был готов потерять своего первенца Исаака, но его спасла вера. «...Все оправдаются верою сына божия. Занеже и Авраам не от дел, но от веры оправдася и прежде закона обрезания принял обетования»¹¹. В суждениях Скорины заметна, таким образом, реформационная тенденция, поэтому белорусский мыслитель рассматривается некоторыми исследователями философским предтечей Реформации в Беларуси¹². Однако воззрения Скорины не следует отождествлять с идеологией западноевропейского протестантизма XVI в.¹³ Он, по сути, способствовал возникновению в белорусской мысли идеи секуляризации.

Священное Писание рассматривалось мыслителем как средоточие не только божественной мудрости, подлинной религиозности, высокой христианской

¹⁰ Подокшын С.А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі... С. 94.

¹¹ Скарына Ф. Творы... С. 109.

¹² Подокшын С.А. Скорина и Будный: очерк философских взглядов. Мн., 1974. С. 10–11; Он же. Этычная думка ў культуры Беларусі XVI–XVII стст. Мн., 2004. С. 29–35.

¹³ Франциск Скорина – белорусский гуманист, просветитель, первопечатник: сб. науч. тр. Мн., 1989. С. 48.

духовности и идеальной нравственности, но и светского знания, законопослушания, гражданственности и человеческого достоинства, т.е. в качестве источника национально-культурного обновления и Возрождения. Толкование Скориной библейских текстов подчинено задаче выявления интеллектуально-образовательной и нравственно-воспитательной функций Священного Писания. Он полагал, что в Библии скрыта не только вся божественная, или «Соломонова», но и вся естественная, или «житейская», «Аристотелева», мудрость¹⁴. Скорина не участвовал в полемике, не выступал с критикой христианской догматики, но нередко игнорировал либо гуманистически модернизирует многие общепринятые христианские установки, утверждая светские начала жизни, руководствуясь не религиозным целеполаганием, а реальными интересами общества и человека.

Библию Скорина предлагал рассматривать в качестве универсального источника светских знаний, как энциклопедию наук (естественных, философских, исторических, правовых и т.д.), как пособие для изучения «семи свободных искусств» – грамматики, логики, риторики, музыки, арифметики, геометрии и астрономии. «В сей книзе, – писал он в предисловии к “Во всю Бивлию рускаго языка”, – все прироженое мудрости зачало и конец; Бог вседержитель познанан бывает. В сей книзе вси законы и права, ими же люди на земли справоватися имеют, пописаны суть. В сей книзе вси лекарства душевные и телесные зуполне знойдете. Ту навчение филозофии добронравное, яко любити Бога для самого себе и ближнего для Бога, имамы. Ту справа всякого собрания людского и всякого града, еже верою, соединением ласки и згодою посполитое доброе помножено бывает. Ту навчение седми наук вызволенных достаточное»¹⁵.

Скорина не отрицал необходимости богопознания, но считал, что познавательные способности человека должны быть направлены преимущественно на изучение природы, общества и человека. В предисловии к книге Иова мыслитель писал: «Есть наивышшая мудрость розмышление смерти, и познание самого себе»¹⁶. Воскрешая эту сократовскую идею, Скорина не только продолжал традицию античной философии, но и выражал одну из характернейших черт ренессансно-гуманистической культуры.

В комментариях мыслителя обнаруживается в качестве тенденции идея «двойственной истины». Так, мудрец должен быть исполнен «духа святого и философии»; имеется «закон прирожденный», т.е. естественный, и «закон Моисея», т.е. божественное Откровение. Скорина полагал также, что существует «двоякая правда: Божия и человечесия. Двоякий суд: Божий и человечесий. Двоякая похвала: от Бога и от человека»¹⁷. Заметим, что идея «двойственной истины» в средневековой философии допускала противоречие между истиной философии и истиной теологии. Разрабатывавшаяся в аверроизме, она была определена официальной Церковью как ере-

---

¹⁴ Франциск Скорина и его время: энцикл. справочник. С. 24.

¹⁵ Скарына Ф. Творы... С. 46.

¹⁶ Там же. С. 20.

¹⁷ Там же. С. 109–110.

тическая, поскольку «истина истине не противоречит». В рациональном свободомыслии эпохи Возрождения произошла трансформация этой идеи в учение о «двух книгах» – Природы и Писания. Если в «книге Природы» человек обретает истину науки и философии, то в Писании – религиозно-нравственные наставления.

Синтез традиционализма и элементов свободомыслия наблюдается в онтологии Скорины. В предисловии к книге Бытие он сопоставляет христианское учение о сотворении мира «из ничего» с аристотелевской концепцией вечности и неуничтожимости материи: «...кто убо от филозофов мог поразумети, абы Господь Бог словом своим с ни з чего сотворил вся видимая и невидимая, старейшине их Аристотелю глаголющу: “З ни с чего ничто же бысть”»¹⁸. В конечном счете, вопрос креационизма мыслитель решил в традиционном христианском духе, однако его рассуждения предоставляют читателям повод для размышления и скепсиса¹⁹.

Значительное место в произведениях Скорины занимают вопросы этики, в основе его этической концепции лежит мысль о необходимости и возможности совершенствования человеческой природы. Признавая приоритет «духовных» ценностей, Скорина не отвергал ценностей «плотских», а пытался отыскать возможности для их примирения, гармонического сосуществования²⁰. Универсальный этический принцип, или «прироженный» нравственный закон, сформулирован Скориной так: «...то чинити иным всем, что самому любо есть от иных всех, и того не чинити иным, чего сам не хочещи от иных имети»²¹. Этот моральный императив находит, как известно, отражение в Священном Писании (Евангелие от Матфея, др.), но не является собственно христианским нововведением. Он формируется в философской мысли задолго до появления Нового Завета, формулируется как в европейской (Фалес и др.), так и в восточной (конфуцианство) философии, отражая поиск общечеловеческих и внеконфессиональных оснований нравственности.

Моральные установки имеют, по Скорине, двойственную основу: индивидуальный разум и божественное Откровение, но естественный нравственный закон обладает приоритетом: «Прежде всех законов или прав писаных закон прироженный всем людем от Господа Бога дан есть...»²² Справедливость у мыслителя неразрывно связана с человеколюбием («братолюбием» и «друголюбием») как добродетелью, без которой «ничто prospешно есть»²³. На основе этих критериев должны, по убеждению Скорины, строиться не только нравственные взаимоотношения, но и политическая и правовая жизнь и, что особенно важно, общественная «згода», или социальная стабильность.

Библейско-христианская этика синтезировалась мыслителем с этическими идеями античной философии, модернизировалась в соответствии с духовными запросами Возрождения. Так, Скорина пытался пересмотреть ортодоксально-христианскую

¹⁸ Там же. С. 51–52.

¹⁹ Подокшин С.А. Франциск Скорина. М., 1981. С. 91–92.

²⁰ Подокшин С.А. Скорина и Будный... С. 30.

²¹ Скарына Ф. Творы... С. 62.

²² Там же. С. 62.

²³ Там же. С. 112.

трактовку проблемы человеческого существования, согласно которой земная жизнь человека не представляет самодовлеющей ценности, а является лишь приготовлением к потусторонней жизни. Мыслитель утверждал самоценность человеческой жизни, реабилитировал земное бытие, не отвергая в то же время и веры в потустороннюю жизнь. Этика Скорины ориентирует человека преимущественно на реальную и общественно-полезную жизнь, овладение знаниями, ведь «без мудрости и без добрых обычаев не есть мощно, почстиве жити людем посполите не земли», т.е. общественная жизнь невозможна без знания и совершенной нравственности. Из суждений мыслителя о смысле жизни и высшем благе (предисловия к Притчам Соломоновым, Премудрости Иисуса, сына Сирахова, и другим) следует, что главное предназначение человека заключается в совершенствовании земной жизни, а подлинным объектом этики выступает проблема «...яко ся имама справовати и жити на сем свете». Он рассуждал о многовекторности смысловых ориентаций реального человека, плюрализме его ценностных позиций²⁴. Нравственным идеалом у гуманиста выступает гуманистически модернизированная христианская концепция жизни. Для Скорины высшее благо – благо земное, общественно-полезная жизнь на земле, служение Богу посредством служения людям.

В центре внимания основоположника отечественной ренессансно-гуманистической этики находится одна из важнейших философско-этических проблем – проблема «человек – общество», или соотношения индивидуального и общественного блага²⁵. Важнейшие категории этики Скорины – «посполитое доброе» (общественное благо) и «пожиток посполиты» (общественная польза). Лишь в обществе, полагал мыслитель, жизнь человека наполняется истинным смыслом, поэтому люди должны научиться «вкупе жити». Отметим, что Скорина не абсолютизировал общественное благо в ущерб благо индивидуальное, а пытался показать возможность гармоничных отношений между ними: чтобы быть полезным обществу, человек должен развивать духовность, воспитывать необходимые для общественной жизни моральные качества. Из рассуждений мыслителя вытекает, что человек – существо не только разумное, нравственное, бого- и законопослушное, общественное, но и национально ориентированное, уважающее свои традиции, культуру, язык, любящее свой родной город, свою малую и большую родину, готовое честно и преданно служить им, а если потребуется – пожертвовать ради них жизнью. Служению «посполитому доброму», «людем простым посполитым», «своему прироженному рускому языку» была посвящена жизнь и деятельность белорусского просветителя, что он неоднократно подчеркивал в своих предисловиях и послесловиях к издаваемым книгам.

Скорина, несомненно, выступал как национальный христианский просветитель. Отмечая побудительные мотивы своей переводческой и книгоиздательской деятельности, он не раз указывал, что его работы служат «похвале створителю», «Богу во троици единому ко славе», «Богу ко чти»²⁶, что он стремится «делом по-

---

²⁴ Там же. С. 26.

²⁵ Падохын С.А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі... С. 124.

²⁶ Скарына Ф. Творы... С. 22, 110, 116 и др.

казати веру хрестіянскую», которая «без дел мертва есть»²⁷. Однако не в выяснении религиозных истин видел Скорина назначение своей деятельности. Свою конкретную задачу белорусский просветитель усматривал прежде всего в «навчении» родного народа, приобщении его к «науце всего доброго»: «Пожиточны же суть сие книги чести всякому человеку... наболей тым, они же хотят имети добрые обычае и познати мудрость и науку...»²⁸

В связи с этим заслуживает интерес вопрос о языке и лексической основе изданий гуманиста. Существуют различные оценки скорининского лексического наследия: его язык трактуется как церковнославянский, как белорусский, как церковнославянский язык в белорусской редакции. Не вдаваясь в детали дискуссии, отметим огромное значение введения Скориной в литературное употребление большого числа белорусизмов, грамматических форм и лексических средств живого белорусского языка того времени, что делало текст Библии понятным и доступным демократическому читателю, «людем посполитым рускаго языка». Перевод Библии на язык родного народа являлся предметом его национальной гордости: «Я, Францишек, Скоринин сын с Полоцька, в лекарских науках доктор, повелел есми Псалтырю тиснути рускими словами, а словенским языком ... к пожитку посполитого доброго, наболей с тое причины, иже мя милостивый Бог с того языка на свет пустил»²⁹. Особо следует отметить стремление Скорины ввести родной язык (посредством издания на нем Библии) в круг священных, т.е. уравнять его с древнееврейским, греческим и латинским.

«Нароженный в руском языке», автор предназначал «Бивлию рускаго языка» «людем посполитым рускаго языка», «своему прироженому рускому языку»; издавал книги «по-русски», «рускими словами», чтобы «братия моя русь... могли лепей разумети»³⁰. Издавая Библию на родном языке, а не на общепринятом греческом или латинском, Скорина защищал высокие идеи свободы, равенства народов и уважения человеческого достоинства от сковывающих развитие общества ортодоксальных религиозных традиций³¹. Его деятельность способствовала становлению национальной белорусской литературы и языка, что получило продолжение в творчестве С. Будного, В. Тяпинского, С. Зизания, Л. Карповича, М. Смотрицкого и других писателей второй половины XVI – XVII в.

Знание и образование рассматривались Скориной основой моральных добродетелей человека, выступали необходимым условием нравственно прекрасной жизни³². Мыслитель ориентировал белорусского читателя на просвещение, познавательную деятельность, убеждая, что «...без мудрости и без добрых обычаев не есть мощно почстиве жити людем посполите на земли»³³. Наследуя высокие идеалы

²⁷ Там же. С. 105.

²⁸ Там же. С. 22.

²⁹ Там же. С. 18.

³⁰ Там же. С. 70, 45, 76, 71, 52, 18, 37 и др.

³¹ Франциск Скорина – белорусский гуманист, просветитель, первопечатник: сб. науч. тр. С. 56.

³² Подокшин С.А. Франциск Скорина. С. 108.

³³ Скарына Ф. Творы... С. 22.

христианского просветительства и книжности, заложенные в отечественной культуре и мысли творчеством прпп. Евфросинии Полоцкой и Кирилла Туровского, Скорина их национально конкретизировал и в значительной степени секуляризировал. Он не ограничивал мудрость религиозно-богословским знанием, полагая, что в Библии изложена не только «божественная» (Соломонова), но и «житейская» (Аристотелева) мудрость, что мудрец должен быть исполнен «духа святого и философии»³⁴. Следуя национально-культурной традиции, Скорина эстетизировал познавательную деятельность, прославлял «истинный, сладкий, чистый, стальной, добротливый» «дух разумности»³⁵. В соответствии с христианской традицией идеалами интеллектуальной личности у него являлись библейские персонажи Соломон, Птолемей Филадельф, Иисус Сирахов. Скорина утверждал идеал искренне верующей, высоконравственной, гражданской, интеллектуальной, законопослушной, национально ориентированной личности, что позволяет рассматривать его этические взгляды в контексте такого идейно-философского течения Возрождения, как «христианский гуманизм»³⁶.

Скорине присущ глубокий патриотизм, он является основоположником национально-патриотической традиции в истории белорусской культуры и общественной мысли. Если средневековым мыслителям в целом свойствен христианский космополитизм, то для Скорины интересы родного народа и Отечества выше религиозных интересов. Подобная позиция может рассматриваться как конкретизация идеи общего блага, характерной для древнерусской философской культуры. В представлении Скорины образцами патриотического служения родине, отчине выступают ветхозаветные персонажи – Есфирь, Иудифь и др. Так, мужественной Есфири, рисквавшей не только своим положением, но и самой жизнью, удалось получить «от царя листы противные на погубление всея родины» и избавить свой народ «от побития»³⁷. В предисловии к книге «Есффера-царици» Скорина изложил своё понимание общественного долга: «Не толико бо сами себе народихомся на свет, но более ко службе божией и посполитого доброго»³⁸.

С наибольшей определенностью и силой национальный патриотизм мыслителя выражен при осмыслении библейского сюжета об Иудифи, которая «... для высвобождения отчины, взор на себе мужем даючи, не лютовала есть живота своего»³⁹. Готовность к самопожертвованию во имя Родины возведена Скориной в ранг высших гражданских добродетелей. Самопожертвование во имя Родины и народа освещено и Божиим благословением. Иудифь «непобедимого от людей победила», поскольку и «Господь Бог для доброго умыслу ея помог ей». Скорина полагает, что дана «нам сия книга Иудифь чести к нашему научению, абыхом... в добрых делех и в любви отчины не толико жены, но и мужи наследовали и всякого тружания и

---

³⁴ Там же. С. 23–24.

³⁵ Там же. С. 22.

³⁶ Падохмын С.А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі... С. 133.

³⁷ Скарына Ф. Творы... С. 70.

³⁸ Там же. С. 71.

³⁹ Там же. С. 49.

скарбов для посполитого доброго и для отчины своєю не лютовали». Иудифь «... для места рожения своего выдала есть живот свой на небеспеченство». В предисловии к книге «Иудифь-вдовици» содержатся и золотые строки признания любви к Родине, по сути – патриотическое кредо писателя: «Понеже от прирожения звери, ходящие в пустыни, знают ямы своя; птицы, летающие по въздуху, ведають гнезда своя; рыбы, плывающие по морю и в реках, чуютъ виры своя; пчелы и тым подобная боронять ульев своих, – тако ж и люди, игде зродилися и ускормлены суть по бозе, к тому месту великую ласку имають»⁴⁰.

Социальные отношения идеального общества Скорина оценивал принципами человеколюбия и справедливости. Он не отрицал существования в обществе классовых противоречий, но считал, что отношения между «богатыми» и «убогими» должны строиться на основе «братолюбия» и «друголюбия». Скорина пропагандировал идеи раннехристианской филантропии, убеждал людей относиться «спомогающе друг друга со всякою любовию»⁴¹. В качестве социального идеала он приводил и раннехристианский принцип равной свободы и общей собственности «ровная свобода всем, общее имение всех»⁴², что отразило влияние на его мировоззрение радикально-реформационных идей. Принцип любви распространялся Скориной не только на представителей христианского вероисповедания, он обращен «ко всякому человеку».

В мировоззрении гуманиста наблюдается попытка преодоления средневекового христианского учения о красоте как проявлении божественного. Он стремился обнаружить прекрасное в самом человеке. Красота у Скорины отождествляется с добром, человеколюбием, справедливостью, общим благом, патриотизмом. Эстетизировал мыслитель и познавательную деятельность человека. Мудрость в его представлении «якобы мощь в драгом камени, и яко злато в земли, и ядро у в ореху», она «мати всех добрых речей и учитель всякому доброму умению»⁴³. В качестве идеальной личности у Скорины выступает Иисус Сирахов, который больше всего заботится о том, чтобы проявить себя в творчестве и оставить «по собе память, яко и предкове его оставили суть, дабы память его не загинула вовеки»⁴⁴. Это уже не средневеково-христианский, а ренессансный идеал личности, высшим проявлением которой является творческое самовыражение. Идеалом гражданственности и патриотизма у мыслителя является библейская героиня Иудифь, подвиг которой Скорина оценивал не только этически, но и эстетически, как героический, прекрасный, возвышенный порыв⁴⁵. Отметим, что возведение патриотизма в степень прекрасного чрезвычайно характерно для эстетического сознания античности и Возрождения.

⁴⁰ Там же. С. 45.

⁴¹ Там же. С. 116.

⁴² Там же. С. 64.

⁴³ Там же. С. 22.

⁴⁴ Там же. С. 24.

⁴⁵ Там же. С. 43–45.

Ставил мыслитель и вопрос о характере божественного руководства миром в целом. Его волновала проблема трагической судьбы человечества, причиной которой является бог: почему по божьей воле добродетельные страдают, а порочные наслаждаются и благоденствуют? «Чего ради Господь Бог на добрых и на праведных допускает беды и немощи, а злым и несправедливым дает щастье и здравие?» Однако проблему теодицеи (богооправдания) Скорина все же решает в традиционнo-христианском духе: бог вправе подвергнуть человека испытанию страданием, он же и всемолюбя, ибо пострадавший, но выдержавший испытание в конце концов будет щедро вознагражден, причем не только в будущем (вечной жизнью), но и в настоящей жизни, жизни земной, в чем можно убедиться на примере Иова. Категория трагического представлена понятием «бесы и немощи», «воротокость и беда живота человеческого». Противоположное трагическому понятие комического не получило отражения в его работах, и здесь нельзя не усмотреть традиционнo-христианской ориентации мыслителя⁴⁶.

Важно отметить и типографскую эстетику Скорины, которая находилась на уровне лучших образцов ренессансной книжной графики. В связи с этим важно отметить то обстоятельство, что многие гравюры Скорины наполнены не теологическим, а реальным, земным содержанием. Безусловной чертой ренессансного свободомыслия следует считать гравюрный портрет самого Скорины. Исследователи отмечают данный факт как «беспрецедентный случай в истории книгоиздания, перепечатки и переписки Священных книг»⁴⁷. Автор утверждал собственным портретом свою индивидуальность, осознание значимости своего творчества. Некоторые ученые (В.В. Агиевич) усматривают также в портрете белорусского мыслителя выражение принципов гелиоцентризма и гомоцентризма – основы философии гуманизма Нового времени, в чем Скорина на 26 лет опередил Н. Коперника⁴⁸. В этом же ключе свободомыслия следует рассматривать и то обстоятельство, что скоринские предисловия лишены весьма характерного для средневековых христианских ортодоксальных писателей и переписчиков приема литературного самоуничтожения по примеру «Здесь нет моих мыслей, здесь все от Бога» и т.п.

Скорина придавал большое значение вопросам правового регулирования общественной жизни, стремился утвердить авторитет законности. В частности, он затрагивал тему «естественного права». Мыслитель считал, что право – не божественное, а человеческое установление, которое «единый кажный народ с своими старейшими ухвалили»⁴⁹. Оно возникает у каждого народа в разное время, обусловлено образованием общества и государства, деятельностью первых правителей. Белорусский мыслитель считал, что главное назначение законов – служить общественному благу, право должно основываться на морали, прежде всего на человеколюбии и справедливости, на традициях народа. Необходимо, чтобы закон был

---

⁴⁶ *Конан У.М.* Эстэтычныя і этычныя погляды Францыска Скарыны // Скарына і яго эпоха / рэд. В.А. Чамярыцкі. Мн., 1990. С. 344.

⁴⁷ Франциск Скорина – белорусский гуманист, просветитель, первопечатник: сб. науч. тр. С. 58.

⁴⁸ *Агиевич У.У.* Імя і справа Скарыны. Мн., 2002. С. 299.

⁴⁹ *Скарына Ф.* Творы... С. 63–64.

«почтивый, справедливый, можный, потребный, пожиточный, подле прирожению, подлуг обычаев земли, часу и месту пригожий»⁵⁰.

Одним из дискуссионных аспектов мировоззрения Скорины является его конфессиональная ориентация. Не вызывает сомнения то, что мыслитель не представлял высоконравственной жизни вне христианской религии, его искренняя вера проявлена во всех комментариях к издаваемым «з божиею помощию» трудам. Вместе с тем христианско-гуманистическое осмысление Скориной проблемы человека, неординарный подход к интерпретации библейских сюжетов, недостаточность биографических сведений обусловили неоднозначное истолкование его вероисповедной принадлежности (православный, католик, униат, протестант). Полагаем, что более близки к истине те исследователи (В.И. Пичета, М. Грушевский, Н.О. Алексютович, С. Брага, С.А. Подокшин и другие), которые считают необходимым рассматривать конфессионально-мировоззренческую ориентацию Скорины в общехристианском контексте его религиозной и культурно-просветительной деятельности, лишенной узкого конфессионального догматизма и строгой церковности. Несомненно, что она выдержана в духе веротерпимости. Еще Е.Ф. Карским было отмечено, что «переводы Фр. Скорины и его продолжателей... не преследовали каких-либо конфессиональных целей: желание их было только принести пользу своему народу»⁵¹. Н.О. Алексютович полагал, что творчество Скорины «нельзя уместить в узкие рамки какого-либо определенного вероисповедания», что «вопросы религии не занимали в его мировоззрении главного места»⁵². На то, что Скорина «поднялся над конфессиональными спорами разных течений христианства», обращает внимание В.М. Конон⁵³. По мнению С.А. Подокшина, Франциск Скорина, ориентируясь на православного читателя, в то же время не связывал себя жестко с определённой конфессией и, по сути дела, ратовал за свободный диалог всех христианских направлений⁵⁴. То, что Скорина «далек от религиозного фанатизма» и «воинствующего миссионерства», что «его конфессиональные взгляды определяются толерантностью, а в пражских изданиях – даже определенной неопределенностью», отмечает Г.Я. Голенченко⁵⁵. О справедливости данных оценок свидетельствуют отсутствие в скорининских текстах конфессиональной полемики, типичность формул «нам, хрестияном», «нас всех хрестиян», «хрестиянство наше», «каждый хрестиянин» апелляция ко «всякому человеку», «ко всем верующим во Христа», «людем всем»⁵⁶.

Таким образом, мировоззрение Скорины обладает философским синкретизмом религиозного традиционализма и свободомыслия. Общественно-философские взгляды мыслителя характеризуются ренессансным антропоцентризм-

⁵⁰ Там же. С. 64.

⁵¹ Карский Е.Ф. Белорусы. Т. III. Ч. 2. Пг., 1921. С. 30.

⁵² Алексютович М.А. Скарына, яго дзейнасць і светапогляд. Мн., 1958. С. 104.

⁵³ Конон У.М. Эстэтычныя і этычныя погляды Францыска Скарыны // Скарына і яго эпоха. С. 331–332.

⁵⁴ Подокшин С.А. Франциск Скорина. С. 79–80.

⁵⁵ Галенчанка Г.Я. Франциск Скарына – беларускі і ўсходнеславянскі першадрукар. Мн., 1993. С. 126.

⁵⁶ Скарына Ф. Творы... С. 22, 32, 105–117.

мом, сосуществующим с проблемой загробного воздаяния; расширением границ духовной свободы человека, не доходящей до крайностей индивидуализма; натуралистической тенденцией, демократизмом и патриотизмом, утверждаемым не только теоретически, но и практически, своей жизнью и деятельностью. Скориной синтезируются ценности духовной культуры разных эпох и традиций: древнерусской философско-этической и богословской, античной и западноевропейской религиозно-философской. Для мыслителя характерен идейный компромисс, стремление не к решительному разрыву со средневеково-теологическим мировоззрением, а к его реформированию, обновлению в соответствии с новыми ренессансно-гуманистическими установками и идеалами⁵⁷.

Становление свободомыслия в общественно-философской мысли белорусского народа получило отражение и в творчестве современника Франциска Скорины – Николая Гусовского, прежде всего в созданной в 1521–1522 гг. в Риме поэме «Песнь о зубре», ставшей образцом гражданской патриотической лирики. Гусовский выражал передовые общественно-политические и эстетические взгляды эпохи Ренессанса, популяризировал историю и культуру Великого княжества Литовского. Зубр – хозяин пуши, могучий лесной великан-«ратоборец» – является у поэта символом родины, аллегорией свободолюбивого, мужественного, но миролюбивого народа ВКЛ: «не тронь его – не затронет».

Мировоззрение автора отличается синкретизмом гуманизма, веры и знания. В духе гуманизма он прославлял свободную, деятельную и мужественную личность, выступал сторонником гармоничных взаимоотношений человека, общества и природы. В своём произведении Гусовский утверждал ряд важнейших ценностей народной жизни – веру, государственность, мудрую власть, общественное согласие, мир, духовную культуру и среди них – ценность природы родного края. В своем понимании природы автор существенно расходился с религиозной ортодоксией. Для Гусовского, в отличие от приверженцев теологической точки зрения, представлялось важным «познание природы», окружающая природная среда являлась для него и эстетической, и хозяйственно-экономической ценностью. Мыслитель с одобрением отзывался о природоохранном законодательстве великокняжеской власти, сам выступает в роли ученого-эколога, обосновывая принципы бережного и сбалансированного пользования природными богатствами страны⁵⁸. Гусовский, по сути, одним из первых поставил в белорусской общественно-философской мысли проблему охраны и разумного использования природных богатств родной страны, экологического воспитания человека и общества.

Очевиден и демократизм автора. Поэт симпатизировал простому народу, человеку труда, желал для него лучшей доли. Некоторые исследователи усматривают в мировоззрении Гусовского даже определенные идеи антирелигиозного характера, прежде всего выраженный с абстрактно-гуманистических позиций скепсис в

---

⁵⁷ Падохын С.А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі... С. 122–125.

⁵⁸ См.: Антология педагогической мысли Белорусской ССР / сост. Э.К. Дорошевич и др. М., 1986. С. 59–63.

отношении Бога. Неоднократно повторяемые поэтом суждения о существовании в мире зла и нечеловеческой жестокости вызывают мысль о сомнении автора во всемогуществе и «милостивой любви» Творца. Аргументом против Бога является и то, что тот терпит глумление над собственными идеями мира, над своими последователями в христианстве – славянами⁵⁹.

Одновременно Гусовский не принимал религиозного фанатизма, протестовал против существующих в народном сознании религиозных предрассудков и средневековых суеверий.

Я знаю, что христианская вера сурово карает
Всех колдунов нечестивых, что связаны тайно
С духами зла, подвергая их пыткам и казни,
Как и сообщников, знавших о чарах волшебных,
Но не донесших тотчас же на злых чародеев.

Автора возмущало, что для обвинения в «колдовстве» достаточно, «чтоб мирская молва прокатилась: ты, мол, колдун и с нечистыми сносишься тайно...». Этим, по выражению Гусовского, «несчастных» подвергают жестокому испытанию водой, а по сути – «казни». Наблюдал такие расправы и сам поэт, и, «видя такое... весь цепенел, потрясенный»⁶⁰.

Николая Гусовского отличает развитое государственно-политическое сознание. Его тревожат междоусобицы властителей Европы, то, что над родиной постоянно висит угроза военного вторжения. «Возбужденная совесть и разум» не позволяли автору молчать, он призывал христианский мир к сплочению перед османской угрозой, несущей «жестокое иго нашим соседям, и нам, и далеким народам». Гусовский взывал к совести «земных повелителей», убеждает их прекратить играть «судьбами люда», остановить «кровавые войны усобиц», «вражду», «распри» и «братоубийства»⁶¹. Отчетлива ренессансно-просветительная тенденция автора. Помыслы государей должны быть направлены, по убеждению поэта, «больше на доблесть духа, чем на силу тела», на развитие науки и просвещения⁶². Автор признавал полезность для нравственного и образовательного совершенствования общества системы «семи свободных наук». Из текста поэмы следует, что огромную роль в жизни народа и отечества Гусовский отводил культуре, предшествующей традиции, что делает его мировоззрение во многом созвучным гуманистическим идеалам Франциска Скорины.

© Старостенко В.В., 2011

⁵⁹ См.: Из истории свободомыслия и атеизма в Белоруссии / сост. Е.С. Прокошина, Л.Л. Короткая, А.А. Чудникова и др.; науч. ред. Е.М. Бабосов, Г.М. Лившиц. Минск, 1978. С. 91.

⁶⁰ Антология педагогической мысли Белорусской ССР. С. 62.

⁶¹ См. там же. С. 65–67.

⁶² См. там же. С. 57.